

УДК 94(5-15)+(560):[281]«13/17»

Поэзия султанов как отражение социокультурных и политических процессов в Османской империи XIV – XVIII вв.

Попов Андрей

Попов Андрей. Поэзия султанов как отражение социокультурных и политических процессов в Османской империи XIV – XVIII ст. При становлении Османского султаната суфийские братства сприяли консолидации общества та утворенню турецької культури. Влияние суфийской идеологии можно проследить, зокрема, на лиричних творах османських султанів, які є важливим джерелом з історії Османської імперії.

Ключові слова: поезія, суфізм, Османська імперія, ідеологія, ісламський містицизм.

Попов Андрей. Поэзия султанов как отражение социокультурных и политических процессов в Османской империи XIV – XVIII вв. При становлении Османского султаната суфийские братства способствовали консолидации общества и формированию турецкой культуры. Влияние суфийской идеологии можно проследить, в частности, на лирических произведениях османских султанов, которые являются важным источником по истории Османской империи.

Ключевые слова: поэзия, суфизм, Османская империя, идеология, исламский мистицизм.

Popov Andrey. Poetry of sultans as reflection of socio-cultural and political processes in The Ottoman Empire XIV – XVIII centuries. When The Ottoman Sultanate was emerged sufi brotherhood assist to consolidation of society and formation of Turkish culture. The influence of Sufi ideology we can watch, in particular, on poetry of the Ottoman sultans. It's an important source for the history of the Ottoman Empire.

Key words: poetry, Sufism, the Ottoman Empire, ideology, the Islamic mysticism.

Османское государство просуществовало восемь столетий (1288 – 1922 гг.), эволюционировав от небольшого удельного княжества до империи, охватывающей земли Северной Африки, Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока. Все народы, населяющие эти территории, оказались под турецким влиянием, но

© Попов А. В., 2013

этот процесс был взаимным, поэтому в Османской империи был силен культурный и религиозный синкретизм.

Основой и "стержнем" государства османов была идеология, являвшая собой конгломерат тюркских племенных, исламских городских и персидских литературных и научных традиций, к которым затем добавилось европейское влияние. Столь пестрая этнокультурная палитра породила особенную социокультурную систему, которая, на раннем этапе, способствовала развитию государства. Первенство разума во всех начинаниях, религиозная толерантность (насколько это возможно в исламском средневековом обществе) и покровительство султанов ученым и поэтам создали предпосылки для создания османского этноса, который окончательно выделился среди западных тюрков в XV в., и объединил в себе все упомянутые выше традиции.

Именно в XV в. оформился староосманский язык (в анатолийском и румелийском вариантах), ставший сначала языком науки и культуры, а затем и государственным, вытеснив с этих позиций арабский и персидский. Использовать староосманский язык в поэзии стали также османские султаны. В их лирике можно найти отражение событий, которые переживала империя на момент написания стихов. Поэзия султанов и шахзаде особенно интересна в идеологическом контексте.

Сегодня нам доступны примеры султанской лирики. В частности это рубаи Мурада II (1421–1451 гг.), газели Мехмеда II (1451–1481 гг.), Селима I (1512–1520 гг.), Сулеймана I (1520–1566 гг.), Селима II (1566–1574 гг.), Османа II (1617–1623 гг.), Мурада IV (1623–1640 гг.) и Мустафы II (1695–1703 гг.).

Исследование базируется на письменных источниках, среди которых можно выделить теологические трактаты лидеров суфийских братств, в частности это работы Ходжи Бекташи-вали (?–1271 г.) [13], Джалаладдина Руми (1207–1272 гг.) и других суфиев [3]. Сочинение Эвлии Челеби [14] и анонимная «Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи» [10] важны как описания османского быта, а также источники по истории янычар. Об османской идеологии ценные сведения предоставляет Хусейн Хезарфен [17]. Особо стоит выделить сборники султанской лирики [21, 24], а также «Любовные письма османских султанов» [19].

Историография также весьма разнообразна, и содержит работы как зарубежных [5, 6, 7, 12, 21, 23, 25, 26], так и отечественных исследователей. [1, 2, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 16]. Особенно отметим работы Ибрахима Чабукчу [20] и Мехмеда Кёпрюлю [22].

Хронологические рамки чрезвычайно широки – вторая половина XIV–XVIII вв. Это период популярности суфийской поэзии в Османской империи. Кроме того, это годы расцвета янычарского корпуса, а также

ордена Бекташийя. Период использования староосманского языка также ограничивается концом XIV – началом XIX вв., что практически соответствует хронологическим рамкам работы. Это связано с тем, что изменения в идеологической системе государства повлекли за собой изменение языка. Язык и идеология, в свою очередь, повлияли на развитие культурной жизни империи, что нашло отражение в рубаях и газелях османских правителей.

Староосманский язык стал сначала языком культуры и науки неслучайно. Идеологическая парадигма османского султаната формировалась под сильным влиянием анатолийских суфийских орденов, таких как Мевлевийя и Бекташийя. Можно с высокой долей вероятности утверждать, что все ученые и культурные деятели средневекового исламского Востока принадлежали к суфийским братствам или находились под их сильным влиянием. Так, например, Юнус Эмре (предположительно – 1240 - 1321 гг.), почитаемый в современной Турции как основоположник турецкой литературы, был близок к ордену Мевлевийя.

Первым поэтом и суфием, который стал использовать "народный" турецкий, а не персидский или арабский языки стал Джалаладдин Руми более известный как Мевляна, основавший первый турецкий суфийский орден. Главная обитель ордена находилась в Конье, ставшей столицей беев из династии Караманогуллары, которые в конце XIII – первой половине XIV претендовали на гегемонию в Анатолии. Османы, осознававшие значение идеологии в построении государства, заключили союз с другим турецким братством – Бекташийя [18, с. 54]. Этот орден, провозглашая принадлежность к исламу суннитского толка, имел учение с заметным влиянием шиизма, а также заимствованиями культов из христианства и иудаизма [23, с. 16].

Для укрепления этого союза из рабов-христиан было создано Новое войско "защитников Бекташийя", воины которого в историографии известны как янычары [12]. Суфии всегда сопровождали янычар и выполняли функции полковых священников [23, с. 16]. Получив "свой" суфийский орден, османы начали построение султаната, в основе которого была уже не племенная идеология, а имперская, объединявшая в единый "османский народ" представителей различных этносов и религий. "Неблагородный" османский язык тогда стал универсальным средством общения между всеми народами, населявшими империю.

После того, как в начале XIX в. корпус Капы кулу, в который входили янычары, был ликвидирован, а дервишей бекташи были изгнаны, идеологическая ситуация в государстве ухудшилась. Это связано с тем, что суфии и янычары формировали "идеологический стержень" империи. Однако янычары и бекташи также деградировали и погрязли

в роскоши и коррупции, что настроило против них народ. Лишившись "стержня" империя стала "большим человеком Европы".

Всё последующее время османские интеллектуалы искали новую идеологическую парадигму, однако выход смог найти лишь Кемаль Ататюрк, сделавший ставку на европеизацию и турецкий национализм, преобразовавший Османскую империю в современную Турцию.

Таким образом, появление османского языка, "османского народа" и, соответственно, Османской империи не было бы возможно без влияния суфиев. При этом многие султаны, находясь под суфийским влиянием, пробовали себя в роли поэтов, используя символику дервишей. Исследуя лирику османских султанов можно проследить эволюцию взглядов правящего класса на происходящие в государстве процессы.

"Любовная лирика" османских султанов XIV – XVII вв. наиболее показательна для исследования суфийского влияния, поскольку «любовь» и «чувственность» для суфиев была способом постижения Бога и универсума. Поэтому обращение к «возлюбленному» можно часто трактовать как обращение к Аллаху. О «любви», как о способе познания мира идёт речь ещё в трудах основоположника доктринального суфизма Ибн Араби [13, с. 12-18]. В основе такой трактовки образа "возлюбленного/возлюбленной" лежит концепция «богочеловечества»: единение духа человека и Аллаха через любовь. Основоположником такого пути к Богу Ибн Араби называет Ису (Иисуса Христа) [4, с. 138.].

Е. Бертельс выделил основные черты суфийской поэзии, благодаря чему мы можем определить именно суфийскую поэзию от обычной любовной лирики [2, с.6]. Суфийская поэзия должна иметь следующие характеристики: Курб («близость» с богом), Махабба («волна горячей любви к богу»), Хауф («страх перед богом»), Раджа' («надежда на божье милосердие»), Шаук («страсть к богу»), Унс («дружба с богом»), Мушахиде («созерцание бога»), Йакин («уверенность в духовном»).

В исследуемых образцах султанской лирики мы можем наблюдать большинство описанных выше черт. Более того, об иносказаниях в стихах писали и сами султаны. Мурад IV в конце одной своей газели пишет: «Эту головоломку предлагает поэтам Мурад» [22], таким образом давая понять, что в его произведении есть скрытый смысл. Впрочем, имели место и обращения к реальной возлюбленной, как, например, у Сулеймана Кануни к Роксолане [19]. С XVII в. османские султаны практически теряют интерес к лирике, что связано, в первую очередь, с кризисом суфизма [12, с.13-33] и культурным кризисом империи в целом.

Поэзия ранних султанов проповедует стремление к любви и воинской славе, в то время как газели поздних правителей напоминают молитву к Богу, хотя часто также обращаются к "возлюбленной".

Мурад II в своем четверостишии пишет: «Пока еще я живу, ... я должен радостью и весельем наслаждаться». Эти строки дополняют образ султана в историографии. Мурад II вошел в историю как мудрый и миролюбивый правитель, который больше занимался обустройством своей империи, чем войнами. Впрочем, войны, в которых участвовала империя, были успешными и носили, зачастую, оборонительный характер. Так, например, в войне с крестоносцами, которые напали на балканские провинции империи, султан подписал невыгодный для себя мирный договор, чтобы прекратить разорение земель, даже не смотря на то, что победы одержал он, а не армия крестоносцев. Мурад II покровительствовал православному населению империи, поскольку был женат на дочери сербского государя. Интересно, что султан разрешил жене не принимать ислам, что стало прецедентом в османской истории.

Мехмед II Фатих, используя символику природы (бриз, солнце), описывает любовные переживания (вероятно «возлюбленных») выступает Аллах, даровавший ему победы в многочисленных битвах). В другой своей газели Мехмед продолжает мысль: «Через любовь к Богу, к победе, к завоеванию я стремлюсь». Этот султан является весьма контраверсионной личностью. Известна жестокость султана, ему приписывали развратный образ жизни и пр., однако его стихи – это лирика крайне религиозного человека (возможно, даже, фанатичного), который уделяет вере особое внимание и искренне считает себя "воином господа" ("гази"). При этом период его правление характеризуется не только постоянными войнами, но экономическим и культурным подъемом империи. Он первый среди султанов издал письменный свод законов (канун-наме), в соответствии с которым правили его потомки. Причем этот кодекс был написан на староосманском, после чего этот язык приобрел статус государственного, потеснив арабский и персидский.

Творчество Селима I Грозного (Явуза) вновь повторяет стиль Мехмеда II, поскольку оба султана были завоевателями, но Селим I больше занимается самовосхвалением, отступая от суфийских традиций. Кроме того, султан меньше воздает хвалу Аллаху, что также отличает его от Мехмеда II. Он описывает как захватил Египет, Иран («Из-за моей сабли Трансоксания утонула в море крови») и пр. В творчестве Селима проявляется кровожадный характер султана. Баязид II Святой (1447-1512 гг.), отец Селима, отрекся от власти в пользу сына для того, чтобы избежать кровопролития и братоубийственной войны, однако свое правление новый султан начал с массовых казней, в частности – с убийства всех своих родственников по мужской линии, после чего умертвил 45 тыс. шиитов.

Поэзия Сулеймана Кануни, в противоположность Селиму, менее кровожадна и подпадает под классическое понятие «любовная лирика». Известно, что Сулейман испытывал сильные чувства к Хюррем-султан, известной также как Роксолана. Лирика Селима II была ещё более легкомысленной, чем у его отца, но во многом повторяла стиль Сулеймана Кануни. Как известно, Селим большую часть времени проводил в Гареме, а из-за чрезмерной любви к вину в турецкой историографии получил прозвище «Пьяница».

Газели Османа II сохраняют "легкую" традицию Сулеймана Кануни, что вполне соответствует и характеру султана. Осман II был первым "султаном-марионеткой", и находился под полным контролем янычар – они его возвели на трон, и они же его свергли после поражения от поляков и запорожских казаков в битве под Хотинном. Поскольку государством управлял подконтрольный янычарам Диван, можно сказать, что султан царствовал, но не правил, проводя все время в развлечениях (порой весьма специфических – как, например, упражнения на точность в стрельбе по собственным слугам).

Лирика Мурада IV отличается от творчества его предшественников, поскольку он вновь возвращается к суфийским поэтическим традициям и отходит от бравады ранних султанов. Как свидетельствуют источники, идея возвращения к истокам была в это время очень популярна в Османской империи [17], и эта идеология нашла свое отражение в творчестве султана. Отметим, что Мурад IV смог на время восстановить мощь Османской империи и вернуть армии боеспособность, усмирив янычар массовыми казнями. Его правление можно назвать последним подъемом султаната.

Эта же традиция «возвращения к истокам» прослеживается и в творчестве Мустафы II, который правил спустя 60 лет после Мурада IV. Лирика этого султана по форме близка к молитвам. Рассматривая творчество Мустафы можно понять, что кризис уже охватил государство, и выхода из него нет. В одной своей газели султан пишет:

«Аллах! ... Правитель, который никогда не уйдет! ... Ранним утром должен наш крик, вопль наш, услышать на престоле твоём, на высоком. ... покажи ты к нам щедроты Твои... если не приходит от тебя, твоя милость, то зло все наши работы испортит».

Эти строки полны отчаяния, что неудивительно, поскольку годы правления этого султана являются самыми трудными для осман со времен тимуридского завоевания. При Мустафе II был заключён Карловицкий мир (1699 г.), который можно назвать первым разделом Турции: Австрия получила большую часть Венгрии и Словакии, Трансильванию и Хорватию, Венеция — Морею и острова в Эгейде, Польша – часть Правобережной Украины, с Россией было заключено

перемирие, заменённое Константинопольским мирным договором (1700 г.). После его правления в империи начался период "застоя", который поддерживали консервативные силы в лице янычар, суфиев бекташи и крупных землевладельцев, что способствовало экономическому и военному отставанию от своих главных геополитических соперников – Австро-Венгрии и России.

Возвращение к суфийской традиции в творчестве Мустафы II говорит о возросшей роли суфиев ордена Бекташийя в османском обществе. Это очевидно, поскольку бекташи были духовными покровителями янычар, которые в XVII – XVIII вв. получили в свои руки фактически всю полноту власти, контролируя султанов, Диван во главе с везирем и войска.

Таким образом, лирика османских султанов может рассматриваться как, своего рода, индикатор ситуации в империи. Когда империя расширялась, то султаны воспевали военные победы, прославляли Аллаха, победы даровавшего, "признавались" ему в любви. Позднее, добившись максимального расцвета и благополучия, султаны стали больше времени проводить в Серале, предаваясь развлечениям, что нашло свое отражение в их творчестве. Так появились мотивы любви к женщине, вину, роскоши и другим развлечениям. Затем, когда империю охватил кризис, в поэзии султанов ощущается депрессивность, безысходность. Чаще появляются мольбы о помощи, о разрешении проблем, стремление к былому величию. При этом у султанов XVII в. наблюдается возвращение к суфийским поэтическим традициям. У более поздних султанов этот жанр творчества, фактически, исчезает. Это связано с изгнанием суфиев из империи, как одной из главных консервативных сил, и ориентация на европеизацию государства, в котором теперь не было места "архаичным" традициям.

Султанская поэзия важна как свидетельство очевидцев подъема и упадка империи, и каждый стих является, своего рода, "хронологическим срезом", который предоставляет информацию о конкретном правителе и его эпохе. Особенно эти данные важны в идеологическом и социокультурном контексте. Кроме того, можно четко отследить усиление или ослабление влияния суфиев в обществе: чем точнее султаны следуют суфийской поэтической традиции – тем сильнее влияние дервишей, и наоборот.

Література

1. Бахревский, Е. Суфизм в Крыму // Электронный журнал «Суфий» [Электронный ресурс] / Е. Бахревский. – Режим доступа: <http://oldsufiwebzine.wordpress.com/2004/05/12/суфизм-в-крыму>. Доступ – 12.06.2013 г.

2. Бертельс, Е. Избранные труды. Том 3. Суфизм и суфийская литература: сборник статей / Е. Бертельс. – М.: Наука, 1965.
3. Газали, Санайи, Аттар, Руми. Притчи, мысли, афоризмы / Газали, Санайи, Аттар, Руми. – М., 2003.
4. Ибн Араби. Геммы мудрости / Ибн Араби. [Пер. В. А. Смирнова]. – М.: Наука, 1993.
5. Иорданов, М. Сакральные тайны ислама: монография / М. Иорданов. – М.: Быстров, 2006.
6. История османского государства, общества и цивилизации: в 2 т., Т. 1: История османского государства и общества: сборник статей / Под ред. Э. Исханоглу, М.С. Мейера; пер. В.Б. Феоновой. – М., 2006.
7. Карл, В. Суфизм / В. Карл [Пер. с англ. А. Горькавого]. — М., 2002. – С. 4-6.
8. Кныш, А. Учение Ибн Араби в поздней мусульманской традиции / А. Кныш // Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М., 1989. – С. 6-19.
9. Крымский, А. История мусульманства / А. Крымский. – М., 1904.
10. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XVII/1600-1620/Januc_korp/framevved.htm. Доступ – 05.06.2013 г.
11. Насыров, И. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция): монография / И. Насыров. — М., 2009.
12. Николле, Д. Янычары : монография / Д. Николле. – М., 2004.
13. Хаджи Бекташ и орден Бекташи / Электронный журнал «Суфий» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oldsufiwebzine.wordpress.com/2003/10/22/хаджи-бекташ-и-орден-бекташи>. Доступ – 12.06.2013 г.
14. Смирнов, А. Христианские мотивы в религиозно-философских концепциях суфизма и исмаилизма // Восток. – 1993. - №6. – С.12-18.
15. Челеби, Эвлия. Книга путешествия / Эвлия Челеби [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Celebi>. Доступ – 12.06.2013 г.
16. Чорекчян, Х. Турецкая литература // Краткая литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke7/ke7-6692.htm>. Доступ – 12.06.2013 г.
17. Хезарфенн, Хюсейн. Телхис эль-бейан фи каванын-и ал-и осман / Хюсейн Хезарфенн // Османская империя: Государственная власть и социально – политическая структура. Сборник статей. – М., 1990. – С. 265-307.

18. A Faithful Sea. The Religious Cultures of the Mediterranean 1200 – 1700 [ed. by A.A. Husein, K.E. Fleming]. – Oxford, 2007.
19. *Cağatay Ulucay, M.* Osmanlı Sultanlarına Aşk Mektupları / M. Cağatay Ulucay. – İstanbul, 2001.
20. *Çubukçu, İ.* Türk Düşünce Tarihinde Felsefe Hareketleri / İ. Çubukçu. – Ankara, 1986.
21. The Sacred Books and Early Literature of the East, Vol. VI: Medieval Arabia. - New York: Parke, Austin, & Lipscomb, 1917. – P. 259-325.
22. *Koprulu, M. F.* Early turkish mystics in turkish literature / M.F. Koprulu. – New York, 2006.
23. Nicolle, D. Armies of The Ottoman Turks 1300 – 1774 / D. Nicolle. – New-York, 1999.
24. Ruba'i - Sultan Murad II (1421-1451) / Halsall P. Medieval Sourcebook: The Legends & Poetry of The Turks, selections [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ottomansouvenir.com/General/Turkish_Poetry.htm. Доступ – 13.06.2013 г.
25. The Bektashi Order of Dervishes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bektashiorder.com>. Доступ – 12.06.2013 г.
26. *Yildirim, R.* Dervishes in early ottoman society and politics: a study of velayetnames as a source for history / R. Yildirim. – Ankara, 2001.

Міжнародні навчальні школи